
В своем кругу

DOI

Леонид Петрович Быков,

доктор филологических наук, профессор
кафедра русской и зарубежной литературы ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»
(620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: bykov0947@yandex.ru).

Аннотация. В материале рассматриваются книги о современной поэзии, изданные в Екатеринбурге и посвященные прежде всего поэзии Уральского региона. Авторы книг — К. Комаров и Ю. Подлубнова — зарекомендовали себя как представители противоположных литературных течений; автор статьи исследует, как позиция критика проявляется в его текстах и определяет эстетическую оценку.
Ключевые слова: К. Комаров, Ю. Подлубнова, современная критика, современная поэзия, региональная литература.

Среди российских изданий в минувшем году под рубрикой «Филология» значатся 5 193 позиции. Две трети этого перечня (по меньшей мере) производны, само собой, от лингвистики. Но ведь из оставшихся полутора тысяч, пусть даже тысячи, книг и брошюр (авторефераты не в счет) про текущую словесность — от силы сотня! А уж поэзии наших лет посвящено лишь десяток-другой, не больше. И тут в 2017-м почти одновременно вышли дебютные книги двух критиков, живущих в одном городе, что не может не располагать к их чтению и сопоставлению.

Сближает издания многое. Авторы хотя и не одногодки, но принадлежат к одному литературному поколению тридцатилетних (пусть и к разным его возрастным рубежам), оба после филфака Уральского университета стали кандидатами наук и выступают в периодике со стихами и критическими статьями, причем как критики особенно внимательны к творческим занятиям ровесников и земляков. Понятно, что многие фамилии и названия, фигурирующие в одной книге, наличествуют и в другой. Очевидна и композиционная перекличка изданий, начинающихся статейными разделами и продолжающихся внушительным сводом рецензий. Но как эти книги меж собой разнятся.

Уже видом своим они контрастны друг другу. Книга Ю. Подлубновой о современной уральской поэзии «Неузнаваемый воздух» отформатирована по вертикали (помните осуществленную Татьяной Бек и Владимиром Медведевым серию «Самые мои стихи»?) и при скромном количестве страниц благодаря их высоте и рачительной верстке вмещает буквенный объем, пожалуй, равный содержанию книги статей и рецензий К. Комарова «Быть при тексте», где страниц в три с лишним раза больше.

«Неузнаваемый воздух» «по-дамски» ухожен, издательство Марины Волковой, выпустившее и некоторые из рецензируемых тут сборников, польстило автору, не без оформительского кокетства вынеся ее фотографию на переплет. Да и внутри книги все продумано: открывается она содержанием, внятно ориентирующим, какие проблемы и персонажи возникают на каких страницах, завершается сводом упомянутых в ней источников, а каждый материал атрибутирован по первой публикации. «Быть при тексте»

смотрится куда демократичней. Выпущенный по лицензии Ridero под маркой издательского дома «Выбор Сенчина», сей том на пути к читателю, судя по всему, избежал редакционной подготовки и разреженным пространством страниц, где строчкам слишком просторно, стал напоминать пляжное чтиво. Содержание, названное почему-то оглавлением, завершающее здесь книгу, к сожалению, «немое», поскольку подзаголовки, указывающие на литературную конкретику статей и рецензий, в этот свод не попали, что, само собой, не способствует читательской навигации.

Солидные критические труды обычно не *пишутся*, а *составляются* из прежде опубликованных материалов. Но в данном случае это не сборники, а книги, чье смысловое единство задается уже начальными текстами. И если Подлубнова очерчивает свои интересы территориально и жанрово, то Комаров, открывая личный том пафосным монологом о критике как таковой и о своем месте в ней, не ограничивается ничем. При этом он особо подчеркивает литературную суть критического дела: «Вся история русской критики убеждает нас, что русскому критическому мышлению всегда было присуще образное начало» [Комаров 2017: 12]. И хотя тут не обошлось без велеречивости («Я люблю, когда критическое слово "танцует", то есть вектор его непредсказуем и его "па" в своей внутренней оправданности неисчерпаемы» [Комаров 2017: 13]) и очевидных натяжек (Брюсов, Гумилев, Адамович писали критику без образных виньеток), азартный призыв «люби чужое слово как свое» настраивает если не на то, что у Розанова, Чуковского, Шкловского, упоминаемых как ориентиры, появился достойный наследник, то хотя бы на то, что читателю «Быть при тексте» будет не скучно.

Чтение получилось и впрямь любопытным, хотя и показало, что амбиции пишущего преобладают пока над возможностями. Внимательный едва ли не в каждом случае к названиям обсуждаемых книг, Комаров титулом собственной определил свою критическую позицию. Понятна его полемическая заостренность (в изданиях самого разного толка у нас столько развелось рецензионного высокомерия и, с другой стороны, квазифилологического умничанья), но не слишком ли скромная для критика

роль этим императивом обозначена? А как быть с текстом жизни, с собственным, наконец, текстом — тут внешней, пусть самой близкой, расположенностью не обойдешься...

Не удивительно, что, обещавший «быть при тексте», Комаров много и охотно цитирует: в книге немало персональных характеристик, где слова автора совмещаются с выделенными курсивом строчками поэта или прозаика. Допустим, так, как в эссе о Светлане Кековой (где ее слов вряд ли меньше, чем слов критика): «Поэту удастся прозревать “*такие подробности быта, / за которыми время текущее скрыто...*”» [Комаров 2017: 156]. Вот тут-то бы и привести пример-другой, чтоб и я, читатель, поверил этой констатации и благодаря зоркости критика тоже их в стихах разглядел. А иначе приходится, и не раз, верить критику на слово, как сам он поверил поэтовой декларативности.

В отличие от большинства коллег Комаров охотно ссылается и на их высказывания. Внимание похвальное, но когда в статье о поэзии Александра Кушнера встречаешь восемь чужих суждений, семь из которых автор статьи полностью поддерживает, не можешь не напомнить критику его собственный упрек другому: «Зачем здесь чужое слово, ведь прекрасно можно обойтись своим?!» [Комаров 2017: 239]. Не к лицу Комарову и та извиняющаяся робость, с какой в этом же случае он позволил себе «вовсе уж осмелиться» заговорить о том, что «некоторая настороженность, появившаяся среди знатоков творчества Кушнера в последнее время, видимо, имеет под собой основания...» [Комаров 2017: 108]. В отличие от литературоведа и подобно лирическому поэту, критику пристало вести речь от первого лица. Своего. У Константина Комарова оно есть. И ему соответствующий слог — тоже.

Отстаивая понимание поэзии как пространства свободы, критик демонстрирует подобную раскрепощенность в собственном слове. О том, что ему ведомо искусство не только сочинять, но и читать стихи (а таковым, кажется, не все стихослагатели владеют), свидетельствует, в частности, аналитический комментарий к отдельным стихам Бориса Рыжего или Марии Ботевой. Убедительна его взыскательность в отношении пишущих стихи (см. такие его статьи, как «Только затылки» или «Последствия при-

вычки») и пишущих о стихах (см. его нелюбимые соображения про некоторые публикации о Борисе Рыжем). Точно выявляется в третьем разделе книги стилевая самобытность и прозаиков — Р. Сенчина, М. Палей, Е. Касимова, И. Сахновского, А. Новикова. С позиции «право имеющего» ведет Комаров и анализ работ соседей по критическому «дому».

Широта кругозора и основательность эрудиции у критика предполагаются по определению. «Быть при тексте» (как и «Неузнаваемый воздух») это подтверждает. Автору едва ли не в каждом случае важно обозначить, какого рода и племени тот или иной его герой. Жаль только, что «упоминательная клавиатура» в статье или рецензии нередко создает контекст, в котором современному литератору видеть себя сколь лестно, столь и неловко. Знаете ли вы такого ныне поэта, который «старается писать по пастернаковскому завету — “до полной гибели всерьез”» [Комаров 2017: 199] — и которому притом доступно «погружение в творчество, горадианско-батушковский идеал уединения» [Комаров 2017: 200]? А такую сочинительницу стихов, которая «удивительным образом сочетает пушкинский протезизм, тютчевскую философичность, пейзажное мастерство» и чье «перевоплощение в саму стихотворную ткань происходит здесь со скоростью пастернаковского “светового ливня”» [Комаров 2017: 55]? Теперь аттестация еще одного дебютанта: «Поэзия его синтезирует и тютчевскую линию приоткрывания глубинных тайников природы, и пастернаковский “световой ливень”, и “лирический беспорядок”, и мандельштамовское соединение замкнутого микрокосма с макрокосмом вселенной» [Комаров 2017: 266]...

Признававшийся в любви к «критике, в которой растворена поэзия», Комаров умеет формулировать точно и выразительно: «Иногда я задумываюсь, а как оценил бы премию своего имени сам Павел Петрович Бажов?» (с. 132); «Называя, поэт вдыхает жизнь в именуемое...» (с. 148); «Стихи поглощают поэта, “пишут” его жизнь и “расписываются” под ней его смертью» (с. 142); «Именно свобода в пространстве языка и в языке пространства знаменует подлинное освобождение личности» (с. 173); «В этом безвоздушном пространстве живой мысли выжить трудно» (с. 93); «Искрен-

ность не равна истинности» (с. 278); «Если судить о концентрации поэзии, условно говоря, на квадратный метр, думается, Екатеринбург равных нет» (с. 46).

И тем обидней встречать в книге то, что сам автор именует «определенным перекосом в сторону стиля» (с. 322). Я говорю о таких словосочетаниях, как «менее холодны и мертворожденны» (с. 87), «достаточно аморфны и блеклы» (с. 127), «незаслуженно мало известны» (с. 130), «довольно мастерски» (с. 197), «вполне монолитно» (с. 319), «слегка излишней» (с. 321), «давно сподвигничают» (с. 364). Таких констатациях, как «писатель грамотно регулирует и скорость повествования» (с. 305), «коррелирует эта повесть и с его произведениями для детей» (с. 312), «ему немного не хватает жертвенности» (с. 352), «перегибает с излишней сентиментальностью» (с. 357), «психологически точно прорисованы образы учительниц-евреек, повешенных пришедшими в деревню немцами» (с. 358). Таких пассажах, как «мифологическое и повседневное здесь сочленяются во внутренне сцементированное единство» (с. 56), «хотелось бы выразить ряд импрессий от свежей, голосистой и залихватской прозы» (с. 364), «умение писать по-платоновски является, как мне думается, ярким критерием незаурядности писательского таланта» (с. 365).

Обещая «сшить незримыми нитями конкретику и абстракцию — так, что швов не видно» [Комаров 2017: 12], критик не брезгует, однако, типично бюрократическими оборотами вроде «стоит заметить», «надо сказать», «следует выделить», «в лучшем смысле этого слова», «подавляющее большинство работ». Но и своего кандидатства он не скрывает, упоминая то «дискурс», то «месседж», то «нарратив», то «эксплицирование», то «трансцендентальное», то «панантропизм», то «демиургизм», то «модус художественности».

Критика живет в периодике. И далеко не все, что было своевременно на журнальной странице, спустя годы столь же уместно в книге. Перепечатывая нелицеприятную статью о Бажовской премии 2011 года, Комаров снабдил текст постскриптомом, признающим запоздалость «вышеозначенных опасений». Но тогда стоило ли ее воспроизводить лишний раз? Тем более что быть «соб-

ранием сочинений» его книга не намеревалась. И еще. Когда материалы, разнесенные по времени и месту, встречаются под одной обложкой, могут возникнуть нежелательные повторы в зачинах, попутно приводимых цитатах, синтаксических пристрастиях. Конечно, подобные уязвимости обычно нейтрализуются редактурой, но редактора у книги, повторяю, не было.

Хотя и Комаров, и Подлубнова пишут стихи, их книги написаны не с позиции поэта, ступившего на критическую стезю, а скорее от лица того, для кого именно эта стезя вполне органична. При этом Комаров выступает в роли анализатора текущей практики, которого заботит прежде всего самобытность пишущего, а Подлубновой, тоже расположенной к представлению своих героев и героинь «крупным планом», присуща склонность к концептуальному классификаторству. В начальном разделе ее труда речь идет именно о школах и поколениях. Понимая всю условность статуса «уральской ойкумены» как особого сегмента современной русской словесности, автор «Неузнаваемого воздуха» содержательно говорит о «поэтических цехах» региона — и прежде всего Уральской поэтической школе (УПШ) как существенной реальности литературного процесса рубежа XX—XXI столетий.

При этом справедливым представляется вывод о том, что объединение пишущих здесь происходит не столько в силу следования определенной творческой доктрине, сколько из-за человеческой их сближенности. Потому резонно особое внимание обращается на поэтов-культуртрегеров, чей творческий потенциал и личностная пассионарность стали притягательными для тех, кто, собственно, составляет литературную среду. На В. Кальпиди — особенно. Еще до того, как проектное мышление подчинило себе педагогику и издательскую практику, он оценил его перспективность и, что подчеркивается в книге, именно благодаря его энтузиазму и энергии УПШ из утопии стала «тутопией»: «Миф оказался востребован реальностью и во многом опередил ее» [Подлубнова 2017: 11].

Авторов, удостоившихся персональных страниц, в этой книге даже больше, чем в томе Комарова. Счет идет бук-

вально на десятки, что, помимо всего, дает повод полагать, будто стихотворцев на Урале едва ли меньше, чем горняков или металлургов. И каждый персонаж развернутой статьи (во втором разделе) или компактной рецензии (в третьем разделе их 47) получает внятную аттестацию.

Ведя речь о том или другом конкретном стихотворце, Подлубнова выверяет свое письмо посылом: давайте разберемся, что тут написано, — и в этой аналитике, как правило, весьма убедительна. Она более радикальна по эстетическим воззрениям: к чему она тяготеет, можно догадаться уже по названию ее книги и по единственной в ней опечатке — в фамилии М. Кузмина. И если Комарова смущал, а то и раздражал диктат верлибра, особенно московского, то на взгляд Подлубновой «стихотворение без малейших отступлений от конвенций выглядит как анахронизм» [Подлубнова 2017: 44] и «без ошеломительной метафоры довольно сложно удерживать внимание читателя продолжительное время» [Подлубнова 2017: 79].

Критик в отличие от литературоведа волен быть субъективным. Но, следуя по «сложным квестам» [Подлубнова 2017: 41] цитируемых и комментируемых Подлубновой строк, замечаешь, что в «недетерминированном» этом стиховом поле соседствуют весьма похожие друг на друга деконструкторы и трансгрессоры. Выйдя из андеграунда, каждый пошел как будто бы своим, прослеживаемым критиком, маршрутом, а получилось, что разноликая эта компания (см. портреты на обороте переплета) двинулась в одну сторону. Туда, где в цене — алогичное видение мира, игровая комбинаторика, разветвленная ассоциативность, поэтика метаморфоз, броуновское движение образов, апелляции к бессознательному — словом, «трансформативная активность» [Подлубнова 2017: 31].

В подобных занятиях есть свои безусловные величины: тот же В. Кальпиди, Ю. Казарин, Е. Туренко. Есть, если брать героев книги, и исключения: А. Решетов, О. Дозмор, А. Застырец, Н. Санникова, в поэтовой ипостаси выступающий К. Комаров — каждый из них помнит о желательности контакта с читателем. Но куда больше здесь тех, кто вольно или невольно кальпидничает, казарничает, туренковствует. А ведь нелинейное мышление не становится

поэтическим лишь от того, что оно не линейно, и, как замечено Комаровым-критиком, «проборматывание черновой работы сознания» еще не гарантирует «законченного и полноценного эстетического целого» [Комаров 2017: 207]. Да и Подлубнова дает точную характеристику стихам такого рода: «Эта поэзия — тотально ускользающая: от смысла, от читателя, от ответов на так и не поставленные вопросы» [Подлубнова 2017: 125]. Однако же автор «Неузнаваемого воздуха», уверенно ведя речь о ничем не детерминированной языковой стихии, лишь в одной рецензии позволила себе оценочное суждение, заметив по поводу сборника четырех авторов: «...кое-кого я бы и вовсе не стала называть поэтом» [Подлубнова 2017: 110].

Как не всякий искренний монолог про боль и смерть можно счесть за художественный, так и далеко не каждый текст, понимаемый как «способ смыслопорождения», позволяет в его авторе видеть поэта. Даже если из этих текстов и составлены персональные сборники. Меж тем избегающая оценок критика, умножая символический капитал критикуемых, укрепляет их литературный статус.

Юлия Подлубнова в одной из рецензий заявила: «Про общероссийскую литературу говорить принципиально не буду» [Подлубнова 2017: 97]. Но именно общероссийский контекст мог бы в условиях книги откорректировать многие аттестации, а также побудить к размышлениям на не лишённые актуальности темы. Скажем, о том, почему даже самым известным в регионе поэтам трудно дается признание за его пределами. Только ли в том дело, что книги и журналы, представляющие живущих не в столицах авторов, выходят ныне донельзя ограниченным тиражом, или в том, что единое вчера литературное пространство большой страны становится похожим на архипелаг, где каждый из островов довольствуется своими достопримечательностями? Но вместе с тем уральские по происхождению прозаики О. Славникова, Л. Юзефович, А. Королев и сохраняющие здешнюю прописку А. Иванов, Н. Горланова, И. Сахновский, А. Матвеева, а теперь вот и А. Сальников, равно как и драматурги Н. Коляда, О. Богаев, В. Сигарев, Я. Пулинович стали же заметными персонами не только регионального масштаба...

Место, согласимся с К. Комаровым, «пишет себя само. Руками поэтов» [Комаров 2017: 16]. И, продолжим — критиков. Рассмотренными книгами начерно нарисована картина отнюдь не скучной литературной жизни и состояния поэзии одного из значимых регионов русской литературы. Но, как сказано в книге Ю. Подлубновой, то, что опубликовано, «перестает быть черновиками» [Подлубнова 2017: 87].

Литература

Комаров Константин. Быть при тексте: Книга статей и рецензий. [б. м.]: Издательские решения, 2017.

Подлубнова Юлия. Неузнаваемый воздух: Книга о современной уральской поэзии. Челябинск: Издательство Марины Волковой, 2017.

References

Komarov, K. (2017). *At the text's service: The book of articles and reviews*. [S.l.]: Izdatelskie reshenia. (In Russ.)

Podlubnova, Y. (2017). *Unrecognizable air: The book on contemporary Ural poetry*. Chelyabinsk: Izdatelstvo Mariny Volkovoy. (In Russ.)